

ЗАМИР К. ТАРЛАНОВ
(Петрозаводск)

СТРУКТУРА ПРЕДИКАТОВ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ В ЗАПИСЯХ XVII-XX ВЕКОВ

У том раду аутор испитује предикатске структуре у руским пословицама. Пословице потичу из периода од XVII до XX века.

Ауторова анализа иде за тим да утврди који су најпродуктивнији типови предикатских структура и какве су посебности њиховог распореда унутар реченице. При том се разматрани предикати осветљавају не само из перспективе општих синтаксичких прилика својствених руском језику, него и с тачке гледишта развојних могућности које су у принципу доступне пословици као самосвојном књижевном жанру.

Прежде чем перейти к анализу материала, подлежащего рассмотрению, необходимо сделать несколько предварительных замечаний:

1. Авторское понимание пословицы, ее жанровой, синтаксической специфики, а также характера исторической изменчивости отражено в специальной работе¹, и это позволяет в данном случае не останавливаться на такого рода общих вопросах.

2. Объединение для анализа пословиц в записях XVII в. с пословицами в записях XVIII-XX вв. не может не провоцировать вопроса, правомерно ли подобное объединение с точки зрения истории русского языка. Автор уже имел возможность высказать собственную аргументацию в пользу правомерности такого объединения материала².

3. Анализ опирается на данные 10 наиболее значительных коллекций русских пословиц в записях XVII-XX вв.³

4. В предлагаемой работе речь пойдет лишь о предикатах двусоставных, по терминологии А. А. Шахматова⁴, предложений. Что касается предикатов в структуре пословиц, построенных по моделям односоставных конструкций, то они не будут привлечены по той причине, что это сильно увеличило бы объем статьи, пространной и в предлагаемом варианте.

В языке пословиц диапазон форм, используемых в роли предиката, чрезвычайно широк — это формы не только глагола или других знаменатель-

¹ Тарланов З. К. К истории изучения и определения пословицы // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 467. Петрозаводск, 1972, с. 69-106.

² Тарланов З. К. Указ. соч.

³ Перечень их см. в конце работы.

⁴ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 19-32.

ных классов слов, но и незнаменательные слова, фразеологические единицы и даже целые высказывания. Это видно уже из следующего краткого обзора.

Итак, предикат в языке русских пословиц выражается:

1. Глаголом в форме:

а) 3 лица ед. и мн. числа настоящего времени: Меж перстов мясо не растет (С, 121)⁵;

б) 3 лица ед. и мн. числа будущего времени: Вода путь найдет (С, 85);

в) прошедшего времени ед. числа: кто горя не знал (Д, 149);

г) формой *есть* в бытийном значении: На хотение есть терпение (Д, 236); И в сосне дупло есть (Б, 83); И во лжи правда есть (Б, 83); И у курицы сердце есть (Б, 84);

д) 2 лица ед. числа императива: Знай сверчок свой шесток! (Д, 371); Всякой Еремей про себя разумей (Т, 50).

2. Прилагательными:

а) полными (членными): У вдовушек обычай не девичий (Д, 378); Вдовье дело горькое (Д, 377);

б) краткими: С людьми и смерть красна (С, 141);

в) в форме сравнительной степени: Береженье лучше вороженья (С, 83).

3. Причастиями:

а) полными: Запитая дочь не обвенчанная (Д, 365);

б) краткими, в основном страдательного залога прошедшего времени: У теши-света все для зятя приспето (Д, 395); Дураку закон не писан (Д, 246).

4. Числительными: Одна голова на плечах (Д, 279); Анна с мужем седем а вдовою семдесят (С, 73); Один нрав у всех (Б, 104).

5. Существительными:

а) в форме именительного падежа в предложениях тождества: Мука всему наука (С, 121);

б) в предложных и беспредложных формах косвенных падежей: Не всякая болезнь к смерти (Д, 397); Всякая вещь о двух концах (Д, 293).

6. Инфинитивом в предложениях тождества: Без ума торговать лишь деньги терять (С, 80).

7. Наречиями: Бедному да вору — всякая одежда в пору (Д, 92); Покорному дитяти все кстати (Д, 246); С доброй женой сполагоря и горе (Д, 37).

8. Междометиями: Старость — эх-ма! А молодость — ой-ой! (Д, 358).

9. Некоторыми особыми формами, которые трудно подвести под какую-либо определенную часть речи, поскольку у них нет достаточно отчетливо выраженных признаков разрядов слов, именуемых частями речи⁶: Голодный француз и вороне рад (Д, 103); Не рад больной и золотой кровати (Д, 398).

⁵ Список сокращений в процессе цитирования текстов пословиц см. в конце работы. При цитировании сохраняются орфография и пунктуация источников.

⁶ Некоторые из этих слов иногда относят к «категории состояния» (См.: Виноградов В. В. Русский язык. М.-Л., 1947, с. 402 и след.; Исаченко А. В. Грамматический строй русского

10. Сравнительными оборотами: Голый что святой: беды не боится (Д, 93).

11. Сочетаниями формы глагола 3 лица ед. числа наст. времени с формами существительного, прилагательного, числительного или наречия: Повар и духом сыт бывает⁷ (Д, 101); В своей земле никто пророком не бывает (Д, 327); Семейная каша погуще кипит (Д, 360); Беда не живет одна (Д, 157).

12. Сочетанием «Местоим. + отриц. частица + существит.», выступающим в вопросительно-утвердительном предложении: Доброе молчание чем не ответ? (Д, 415).

13. Сочетаниями фразеологического типа: Веселая голова живет спустя рукава (Ж, 17).

14. Сочетанием глагольной формы *есть* с существительным и прилагательным: Небось не бог, а полбога есть (Д, 271).

15. Сочетанием глагольной формы *будет* (*не будет*) с инфинитивом: Горе молчать не будет (Д, 142).

16. Сочетанием *должен* с инфинитивом: Должен чернец бога молить (С, 94).

17. Целыми предложениями: У старца в келье — чем бог послал (Б, 114); Без правды житье — вставши и за вытье (Д, 195).

Активность и степень распространенности разных форм в роли предиката (сказуемого) в языке пословиц достаточно ярко отражает таблица, составленная на основе пословичных формул, взятых произвольно из трех сборников, составленных в разное время (П. Симони, В. Далем, А. Жигулевым):

Таблица 1

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глагола:	
3 лица наст. времени	1027
3 лица буд. простого прошедшего времени	265
	7
2 лица ед. числа императива	20

языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. 1, изд. 2-е. Братислава, 1965, с. 289—292; и др.). Но для этого, как представляется, нет достаточных оснований. Ср.: Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Лексика, словообразование, морфология, фонология. Петрозаводск, 1988, с. 78—83.

⁷ Иногда в аналогичном (бытийном) значении отмечаются формы глагола «жить», на что не раз обращалось внимание в лингвистической литературе. См.: Потенба А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1—11. Харьков, 1889, с. 166, 178; Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПб, 1912, с. 161; Пигин М. И. Конструкция речи с глагольным сказуемым, выраженным глаголом «быть» в знаменательной форме // Ученые записки Петрозаводского университета, т. 6, вып. 1, 1957, с. 195.

форма <i>есть</i>	18
Прилагательные:	
полные	17
краткие	280
сравнительной степени	15
Существительные:	
в именит. падеже	264
в косвенных падежах	62
Инфинитив	241
Числительное	3
Сравнительный оборот	157
Наречия	6
Причастия:	
полные	1
краткие	20
Междометия	2
Особые формы	13
3 лицо ед. числа наст. вр. + имя	21
Местоим. + отриц. + сущ.	1
Фразеологические сочетания	11
<i>Есть</i> + существительное	2
<i>Будет (не будет)</i> + инфинитив	1
<i>Должен</i> + инфинитив	1
Предложения	2
Всего	2793

Из таблицы становится очевидным, что разница между отдельными формами по степени их употребительности в предикативной роли очень велика. В дальнейшем изложении попытаемся подробнее остановиться на тех сказуемых формах, которые являются наиболее обычными для русских пословиц.

Следует, однако, заметить, что случаи, когда носителями предикативности выступают незначительные слова (междометия, частицы), немногочисленны и ограничены по своим изобразительным возможностям.

Достаточно указать, что по данным сводной таблицы на сказуемое, выраженное, например, формой глагола настоящего времени, приходится 36,7 % всех случаев; на сказуемое, выраженное инфинитивом, — 8,6 %; сказуемое, представленное формой будущего простого глагола, кратких прилагательных, прилагательных в сравнительной степени, существительных в именительном падеже, в косвенных падежах, сравнительным оборотом, составляет соответственно 9,5 %, 10 %, 5,4 %, 16 %, 2,2 %, 5,6 %.

Словом, на сказуемое, выраженное перечисленными формами, приходится 94% от всего количества предикативно употребляемых форм и их сочетаний.

Этот общий вывод в принципе подтверждается также материалами отдельных сборников пословиц, записи которых относятся к XVII–XIX столетиям (см. таблицы 2–7).

Таблица 2

Количественные соотношения способов выражения сказуемого в сборнике пословиц XVII в.

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глаголов:	
настоящего времени	158 (39 %)
будущего времени	24 (5,9 %)
инфинитива	48 (11,8 %)
форма <i>есть</i>	–
форма <i>бываем</i>	1
императив	2 (0,4 %)
Существительные:	
в именит. падеже	60 (14,8 %)
в косвенных падежах	6 (1,4 %)
Прилагательные:	
полные	–
краткие	56 (4,2 %)
сравнительной степени	17 (4,2 %)
Сравнительный оборот	20 (4,9 %)
Страдательные причастия	
прошедшего времени	2 (0,4 %)
Составное именное сказуемое	10 (2,4 %)
Форма <i>рад</i>	1
Неразложимые сочетания	–
Всего	405 (96,3 %)

Таблица 3

Количественные соотношения способов выражения сказуемого в сборнике пословиц бывшей Петровской галереи

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глагола:	
настоящего времени	70 (39,3 %)

будућег времена	15 (8,4 %)
инфинитива	11 (6 %)
форма <i>ест</i>	–
форма <i>бывает</i>	1
императива	1
Сувештвительные:	
в именит. падеже	30 (16,7 %)
в косвенных падежах	6 (3,2 %)
Прилагательные:	
полные	–
краткие	15 (8,4 %)
сравнительной степени	14 (7,8 %)
Сравнительный оборот	10 (9,6 %)
Страдат. причастия	
прошедшего времени	–
Составное именное	
сказуемое	3 (1,6 %)
Форма <i>рад</i>	2 (1,1 %)
Неразложимые сочетания	–
Всего	178 (98,1 %).

Таблица 4

Количественные соотношения способов выражения сказуемого по данным сборника пословиц Пауса

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глагола:	
настоящего времени	62 (60 %)
будућег времена	2 (1,9 %)
инфинитива	4 (3,9 %)
Сувештвительные:	
в именит. падеже	3 (2,9 %)
в косвенных падежах	4 (3,9 %)
Прилагательные:	
полные	–
краткие	9 (8,8 %)
сравнительной степени	3 (2,9 %)
Сравнительные обороты	3 (2,9 %)
Составное именное сказуемое	8 (7,8 %)
Всего	102 (98,9 %)

Таблица 5

Количественные соотношения способов выражения сказуемого в сборнике пословиц Татищева

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глагола:	
настоящего времени	110 (35,7 %)
будущего времени	48 (15,5 %)
инфинитива	20 (6,5 %)
форма <i>есть</i>	3 (0,9 %)
форма <i>бывает</i>	3 (0,9 %)
императива	1
Существительные:	
в именит. падеже	52 (17 %)
в косвенных падежах	8 (2 %)
Прилагательные:	
полные	1
краткие	20 (6,5 %)
сравнительной степени	24 (7,7 %)
Сравнительный оборот	4 (1,5 %)
Страдательные причастия	
прошедшего времени	1
Составное именное сказуемое	10 (3,2 %)
Форма <i>рад</i>	–
Неразложимые сочетания	1
Всего	308 (97,4 %)

Таблица 6

Количественные соотношения способов выражения сказуемого в сборнике пословиц Богданова

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глагола:	
настоящего времени	294 (37,5 %)
будущего времени	80 (10%)
инфинитива	44 (5,5 %)
форма <i>есть</i>	4 (0,5 %)
форма <i>бывает</i>	28 (3,5 %)
императива	4 (0,5 %)

Существительные:	
в именит. падеже	108 (13,5 %)
в косвенных падежах	12 (1,5 %)
Прилагательные:	
полные	1 (0,1 %)
краткие	98 (12,2 %)
сравнительной степени	60 (7,5 %)
Сравнительный оборот	16 (2 %)
Страдательные причастия	
прошедшего времени	2 (0,2 %)
Составное именное сказуемое	36 (4,5 %)
Форма <i>рад</i>	2 (0,2 %)
Неразложимые сочетания	1 (0,1 %)
Всего	794 (99,3 %)

Таблица 7

Количественные соотношения способов выражения сказуемого в сборнике пословиц Добролюбова

Формы сказуемого	Количество употреблений
Формы глагола:	
настоящего времени	112 (34 %)
будущего времени	20 (6 %)
инфинитива	25 (7,8 %)
форма <i>есть</i>	2 (0,6 %)
форма <i>бывает</i>	2 (0,6 %)
императива	2 (0,6 %)
Существительные:	
в именит. падеже	78 (23 %)
в косвенных падежах	10 (3 %)
Прилагательные:	
полные	2 (0,6 %)
краткие	32 (9,7 %)
сравнительной степени	27 (8,2 %)
Сравнительный оборот	5 (1,5 %)
Страдательные причастия	
прошедшего времени	3 (0,9 %)
Составное именное сказуемое	6 (1,8 %)
Форма <i>рад</i>	1
Неразложимые сочетания	1
Всего	328 (98,3 %).

Сопоставление данных, извлеченных из разных сборников пословиц, бытовавших в русском языке XVII–XX веков, неопровержимо доказывает, что как по принципиальным возможностям, так и по наиболее продуктивным способам выражения сказуемого (предиката) русский язык XVII–XX веков (отразившийся в пословицах) образует одно целое. Некоторые незначительные различия, обнаруживаемые в количественных соотношениях рассматриваемых форм, не могут поколебать этот общий вывод.

Пожалуй, среди всех сборников и в этом случае несколько выделяется сборник Пауса, в котором обычные для русских пословиц соотношения форм выражения сказуемого представляются заметно нарушенными: так, например, обращает на себя внимание у Пауса чрезмерно большое количество сказуемых, выраженных формами глагола настоящего времени (60 % от всего количества форм), в то время как другие формы в той же функции отмечаются сравнительно редко. Вместе с тем несоразмерно велико число употреблений составных, как правило, именных сказуемых, что явно выходит за пределы канонов, которых русская пословица придерживается. Все это дает основание заключить, что язык пословиц, записанных Паусом, представляется необычно «ровным» и синтаксически обедненным.

Иногда в роли сказуемого используются предложения, относящиеся к различным структурным типам. Компоненты таких предложений, как правило, тесно связаны между собой, образуя одну семантически неделимую единицу (примеры приводились выше). Удельный вес такой формы сказуемого в пословицах все же незначителен: она слишком громоздка для пословичного выражения, непременным свойством которого является чрезвычайно экономное отношение к языковым средствам, к отбору их. Предложение-предикат нарушает и композиционную четкость пословицы. Показательно, что в подавляющем большинстве случаев, зафиксированных, например, В. И. Далем, сказуемое, представленное в форме предложения, отмечается не в пословицах, а в конструкциях, лишенных широкой обобщенности значения и служащих для образной характеристики конкретных фактов и явлений жизни: Этот грех — и всего-то три пятницы молока не хлебать (Д, 229); Ныне молодежь — погляди да брось (Д, 358); Дорога — хоть кубарем ступай (Д, 275); Ныне старики — уж и невесть каки (Д, 358); Житье — вставши, да за вытье (Д, 284); Житье — из ворот да в воду (Д, 88).

Компоненты предложения, функционирующего как сказуемое в пословичном выражении, хотя и спаяны между собой по значению, не обязательно должны составлять в сумме фразеологическую единицу. Вместе с тем процесс фразеологизации представляется вполне закономерным для рассматриваемых структур при их частом употреблении в одной и той же синтаксической функции.

В языке русских пословиц весьма распространенным оказывается сказуемое, выраженное сравнительным оборотом⁸.

⁸ Исследованию типов и синтаксических функций сравнительных оборотов в современном русском языке посвящена монография Н. А. Широковой «Типы синтаксических

Возможность предикативного употребления сравнительного оборота непосредственно вытекает из его основного содержания, которое, как известно, сводится к тому, чтобы охарактеризовать один предмет посредством сравнения или сопоставления его с другим. Поскольку само по себе сравнение уже заключает в себе элемент утверждения или отрицания, элемент оценки, характеристики сравниваемого предмета, то сравнительный оборот закономерно становится сказуемым в предложении.

Предикативное употребление сравнительного оборота — типичная черта синтаксиса русских пословиц. Отбор языковых средств, их включение в словесную ткань пословицы как художественного произведения малого жанра, существующего в устной форме, подчинены особым закономерностям, которыми и определяются требования к языку пословичных выражений. Точность при предельной краткости, выразительность, простота и смысловая емкость — вот первейшие качества языка пословицы. В пословице все «до мелочей» рассчитано, predetermined композицией ее и принципом максимальной экономии средств выражения. Сказуемое, представленное сравнительным оборотом, является здесь не только выразителем признака подлежащего, но и средством создания художественного образа.

Выступая предикативно, сравнительный оборот определяет подлежащее, причем само это определение представляет собой, как правило, сопоставление двух предметных понятий, обозначаемых подлежащим и опорным словом сравнительного оборота.

Опорное слово сравнительного оборота может быть:

именем существительным в форме ед. или множ. числа: Умная жена, как нищему сума (Д, 371); Женское сердце — что ржа в железе (Д, 352); Прямиковое слово что рогатина (Д, 202);

субстантивированным прилагательным: Холостой, что бешеный (Д, 360); Малый, что глупый, а глупый, что малый (Д, 358);

субстантивированным причастием: Сосватанная, что обвенчанная (Д, 365);

инфинитивом, употребленным субстантивно: Кстати промолчать, что большое слово сказать (Д, 418);

субстантивно употребленным деепричастием: Водю пльвучи, что со вдовою живучи (Д, 277).

В подавляющем большинстве случаев предикативный сравнительный оборот находится в постпозиции относительно подлежащего. Прекозитивное употребление его необычно и связано с повышенной смысловой нагрузкой: С гуся вода, небылые слова (Д, 186).

Предложение в целом строится по принципу синтаксического параллелизма, проявляющегося не только в формах опорных слов в группах по-

конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения», изд. Казанского университета, 1960. В работе дана и краткая история вопроса. См. также: Киселева Л. А. Конструкции с сравнительными союзами в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1956, с. 13—14; и др.

длежащего и сказуемого, но и в том, что почти всегда состав подлежащего и состав сказуемого представляются равным количеством членов: две части, на которые пословица легко членится по своей композиции, включают в себя одинаковое количество словесных единиц. Между параллельными частями стоит сравнительный союз, синтаксически входящий в состав простого или составного именного сказуемого: Милость над грехом — что вода над огнем (Д, 212); Мужик богатой, как черт рогатой (Б, 66).

Подлежащее и стержневой компонент сравнительного оборота обычно представлены словами одного и того же лексико-грамматического разряда, чем также создается необходимая симметричность между композиционными частями пословицы.

Опорное слово предикативного сравнительного оборота уподобляется подлежащему в грамматических формах числа и падежа. Отклонения от этого общего правила единичны. Так, параллелизм форм числа может быть нарушен, если слово, выступающее в роли подлежащего, или же опорное слово предикативной сравнительной конструкции не способно изменяться по числам: Деньги что вода (Д, 86). Что касается других отклонений, то они сводятся к следующему:

1) Опорное слово сравнительного оборота может выступать в форме какого-либо косвенного падежа⁹: Житье, как попадье за попом (Д, 99); Житье, словно в аду (Д, 145).

2) В сравнительном обороте отсутствует компонент, симметричный соответствующему компоненту в группе подлежащего: Наша беда не как людская (Д, 156); Жить в обидах, что со львом во рвинах (Д, 141); С правдой шутить — что с огнем. В последних двух примерах инфинитив в сказуемом опускается, поскольку он уже использован в подлежащем.

Сказуемое, выраженное сравнительным оборотом, может быть и членом однородного ряда: У страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки (Д, 269).

Предикативный сравнительный оборот сам по себе достаточно выразителен и точен. Однако в тех случаях, когда он допускает множество толкований, когда само сравнение оказывается неожиданным, немотивированным и поэтому затрудняющим понимание смысла и назначения его, возникает необходимость в уточняющем комментарии, во введении дополнительной синтаксической единицы, обозначающей основание сравнения. Уточняющий комментарий может выступать в виде:

1. Неполного предложения, представленного:

а) одиночным сказуемым: Фарисейские корабли — что сельские воровьи: гинут (Д, 124); Лжа, что ржа: тлит;

⁹ Ср.: Рогова Б. Н. К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении // Ученые записки Красноярского пединститута, т. VII, 1957, с. 270—272, 278; Широкова Н. А. Указ. соч., с. 78—79 («Опорное слово сравнительной конструкции обнаруживает обязательное соответствие с подлежащим в падежных формах»).

б) однородными сказуемыми: Животок — что голубок: вспорхнул, улетел (Д, 94);

в) сказуемым с подчиненными ему второстепенными членами: Вор что заяц: и тени своей боится (Д, 165); Море — что горе: красно со стороны (Д, 277).

Во всех этих случаях дополнительная синтаксическая единица, являясь выражением основания сравнения, служит комментарием не только к предикату-сравнению, но и к субъекту предложения. Она не способна вступить с предикативной сравнительной конструкцией в отношении однородности и, обозначая признак подлежащего опосредованно, не представляет собою прямой характеристики последнего.

Анализ функций уточняющего комментария показывает, что он семантически в равной степени относится и к субъекту предложения, и к предикату его, выраженному сравнительным оборотом. Если же обратиться к анализу формальных связей уточняющего комментария с главными членами предложения, то трудно доказать, что он относится только к одному из главных членов. Параллелизм, существующий между подлежащим и опорным словом предикативного сравнительного оборота, препятствует этому: основание сравнения в одинаковой мере связано с каждым из параллельных компонентов.

В отдельных случаях уточняющий комментарий, освобождаясь от двойного подчинения, устанавливает прямую связь согласования с подлежащим: Горе, что годы: бороздки прокладывает (Д, 140). Явление это, интересное и в плане изучения эволюции синтаксических отношений между членами предложения, наталкивает на мысль о том, что основание сравнения, являющееся комментарием и к подлежащему, и к сказуемому, тяготеет к подлежащему и обнаруживает тенденцию к превращению в самостоятельное сказуемое, непосредственно характеризующее подлежащее.

2. Простого односоставного или двусоставного предложения: Правда, что доска: спать широко, да кругом метет (Д, 331); Земля что огород: в нем все растет (Д, 291).

3. Сложного предложения: Служивый, что муха — была бы где щель, везде пролезет (Д, 250); Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуше шумит (Д, 350).

В синтаксических исследованиях отмечалось, что в роли различных членов предложения могут выступать «конструкции с сравнительными союзами, выражающее понятие (а не сообщение о каком-либо определенном предмете, лице, событии), обозначающие какой-либо признак»¹⁰ И действительно, предикативный сравнительный оборот, как правило, выражает понятие, посредством сопоставления с которым определяется другое понятие, выраженное в подлежащем. Но предикативный сравнительный оборот может обозначать не только понятие, нередко он представляет собою словосочетание, равное предложению, выражающему утверждение. В таких случаях

¹⁰ Киселева Л. А. Указ. соч., с. 13; см. также: Широкова Н. А. Указ. соч., с. 78.

предметное понятие, обозначаемое подлежащим, сопоставляется со значением целого предложения, выполняющего функции предикативного сравнительного оборота, причем предложение может быть личным, безличным или инфинитивным: Старый муж, что гнилая колода лежит (Д, 356); Женское сердце, что котел кипит (Д, 353); Женский обычай, что вперед забежать (Д, 352). Может показаться, что в данных примерах и в аналогичных им мы имеем дело с обычным двусоставным предложением со сказуемым, выраженным личной формой глагола, и сравнительным оборотом с обстоятельственным значением. При таком понимании рассматриваемые конструкции должны были бы члениться на три синтагмы, что совершенно исключается для них, ибо, во-первых, такое членение нарушает композицию пословицы, в то же время опустошая ее семантически и, во-вторых, очень часто оно вообще бессмысленно, поскольку конструкция-предикат не допускает синтагматического членения.

Характеризуя один предмет путем простого сопоставления его с другим, предложение с предикативным сравнительным оборотом представляет собою удобную и экономную форму выражения мысли в языке пословиц. Сопоставляемые члены вступают друг с другом в отношения синтаксического паралелизма, причем параллельные части, как правило, составляют симметрию, на которую в известной мере опирается и которой поддреживается ритмический строй русских пословичных выражений. Не исключена возможность, что как форма поэтической речи рассматриваемая конструкция генетически соприкасается со стилистической симметрией, отмечаемой в древнерусской книжно-речевой культуре¹¹.

Несравненно чаще выступают в роли предиката прилагательные, точнее — краткие формы и формы сравнительной степени прилагательных. Что же касается полных форм, то они, как видно из таблиц, почти не используются в предикативной функции. Этот вывод справедлив для синтаксического строя русских пословиц в целом, если иметь в виду записи XVII–XX вв. Применительно к тому же периоду верно и то, что в атрибутивной функции, как правило, используются полные прилагательные¹². Следовательно, к периоду, к которому относятся первые записи пословиц, краткие и полные формы прилагательных в русском языке были уже синтаксически противопоставлены друг другу. Пословица, будучи жанром чрезвычайно чутким к языковым изменениям, затрагивающим грамматический строй, не может не отразить общей тенденции русского языка функционально противопоставить членные и нечленные формы прилагательных, тенденции, столь отчетливо ведущей к сближению именных форм с глагольными на основе общности синтаксических функций¹³. Это лишний раз подтверждает тот не-

¹¹ О стилистической симметрии см., нпр.: Лихачев Д. С. Стилистическая симметрия в древнерусской литературе // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М.: Наука, 1965, с. 418–422.

¹² В тех случаях, когда краткие формы используются атрибутивно, они отмечаются почти исключительно в именительном падеже, с которым связан процесс «застывания» древнерусского прилагательного.

¹³ См.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 402–405.

преложный факт, что по принципам синтаксической организации пословицы ориентируются не столько на прошлое в языке, сколько на настоящее. Именно поэтому неверно квалифицировать пословичные выражения как фразеологические сочетания. Подробное изучение строения, например, современных пословиц позволит нам решить один из интереснейших вопросов синтаксиса современного русского языка — вопрос об объективно обозначенной продуктивности тех или иных синтаксических структур.

Один из исследователей синтаксиса русских пословиц И. А. Филипповская, объясняя неупотребительность членных форм прилагательных в роли предиката, пишет: «Полная форма прилагательного в роли сказуемого выступает очень редко, это объясняется тем, что большинство пословиц создавалось тогда, когда полная форма еще не употреблялась в роли сказуемого даже в разговорной речи».

Однако такая интерпретация не может быть принята потому, что она основана на ложном тезисе, будто синтаксический строй пословиц, складываясь в глубокой древности, с самого начала обречен на застой. При ближайшем рассмотрении выявляется, что во все исторические периоды в синтаксисе пословиц находят свое отражение все основные синтаксические тенденции данного языка. В плане синтаксической организации пословицы данного синхронного среза всегда «современны». Например, современные русские пословицы строятся по законам синтаксиса современного русского языка. Если бы мы поставили перед собой задачу — определить время возникновения пословиц по их синтаксическим данным, то тем самым мы оказались бы перед неразрешимой задачей. Именно поэтому лишена смысла всякая попытка объяснить синтаксические факты современных пословиц ссылкой на глубокую древность.

Сказуемое, выраженное нечленной формой прилагательного, как и вообще сказуемое в русском языке, не имеет постоянного места расположения, но оно характеризуется совершенно отчетливо проявляющейся тенденцией замыкать предложение. В 68 % случаев оно отмечается именно в этой позиции, в то время как на начальную позицию приходится 22 % и на срединную — около 10 % случаев.

По объему такие предложения-пословицы делятся на:

а) двучленные (преимущественно предложения с постпозитивным сказуемым): Правда бессудна (Д, 195); Правда не речиста (Д, 198); Чужбина не потачлива (Д, 325); Любовь слепа (Б, 94);

б) трехчленные: На седину бес падок (Д, 355); Богатый силен, что медведь (Д, 100); Скрипучее дерево живуче (Д, 399); Снова и ложка красна (С, 140);

в) четырехчленные: В кривом глазу и прямое криво (Д, 132); В глупом сыне и отец не волен (Д, 386); Сытое брюхо к учению глухо (Д, 422); Словом поспешон скоро посмешон (С, 139); Жена говорлива мужу не мила (С, 103);

г) пяти-, шестичленные (редко): У милостливого мужа жена всегда досужа (Д, 369); Всякая птица своим носом сыта (С, 88).

Если служебные слова объединить с формами самостоятельных (знаменательных) слов, можно получить некоторые общие схемы пословичных формул рассматриваемого типа:

1. «Прилагательное (существительное) + существительное + прилагательное» — это наиболее распространенная схема построения указанных структур: Голь на выдумки торовата (Д, 346).

2. «Существительное + прилагательное + прилагательное» — схема редкая: Бег нечестен, да здоров (Д, 274).

3. «Прилагательное (существительное) + существительное + существительное + прилагательное» — схема распространенная: На чужой стороне и весна не красна (Д, 325).

4. «Существительное + прилагательное + существительное + прилагательное (глагол)»: Дерево немо, а вежеству учит (Д, 422).

5. «Прилагательное + существительное + прилагательное + прилагательное»: Ласковое слово не трудно, да споро (Д, 212).

6. «Прилагательное + существительное + существительное»: Крепка рать воеводою (С, 115).

7. «Прилагательное + существительное + прилагательное + существительное»: Дешева рыба на чужом блюде (С, 97).

8. «Существительное + прилагательное + существительное»: Без обеда не красна беседа (С, 80).

Замечу еще раз, что не все эти модели одинаково активны в синтаксическом строе современных русских пословиц. Наиболее распространенными являются только модели, отмеченные под пунктами 1, 3, 6 и 7, т.е. трехчленные и четырехчленные конструкции с постпозитивным, а затем и с препозитивным сказуемым.

В основном аналогично только что рассмотренным строятся и те предложения, в которых сказуемое выражается формой сравнительной степени (только синтетической)¹⁴ прилагательного. Основное различие здесь состоит в том, что сказуемое, выраженное формой сравнительной степени, обычно стоит в интерпозиции, ибо, по правилам русского языка, наименование предмета, с которым сравнивается данный, как правило, следует за формой сравнительной степени. Поэтому для этих структур конечная или начальная позиция сказуемого необычна: Утро вечера мудренее (С, 145); Лучше старик семерых молодых (С, 117).

Отсюда вытекает еще одна особенность их: среди моделей предложений данного типа активной является модель пятичленной структуры, которая занимает второе место после трехчленных предложений, безраздель-

¹⁴ Употребление в пословицах исключительно синтетической формы сравнительной степени объясняется, по-видимому, тем, что аналитическая форма зародилась как книжная. Во всяком случае, функционирование ее почти исключительно в книжных стилях литературного языка XIX–XX вв. считается установленным фактом. См: Виноградов В. В. Русский язык. с. 246–249.

но господствующих над всеми другими типами. Четырехчленная же конструкция здесь отходит на задний план.

Распространная схема организации трехчленной структуры — это два субстантивных слова, занимающих синтаксически полярные позиции и соединенных интерпозитивной формой сравнительной степени, — «Существительное + прилагательное + существительное»: Ключ сильнее замка (С, 114). В отличие от трехчленной, четырехчленная конструкция, как правило, включает в себя еще и согласованное определение, относящееся к одному из сравниваемых понятий (обычно оно характеризует то существительное, которое сравнивается), т.е. имеет вид «Прилагательное + существительное + прилагательное + существительное» (Противное зелье лучше болезни, Д, 400) или редко — «Существительное + прилагательное + прилагательное + существительное» (Правда чище ясного солнца, Д, 195). Пятичленная конструкция обычно имеет два определения, относящихся к каждому из сравниваемых существительных — «Прилагательное + существительное + прилагательное + прилагательное + существительное»: Живое слово дороже мертвой буквы (Д, 417). По грамматическому строению пятичленная структура в принципе аналогична трехчленной, так как обе они организуются на началах синтаксической симметрии. В центре симметричных частей располагаются формы сравнительной степени прилагательных. Вероятно, именно в симметричности частей можно усмотреть одну из причин распространенности пятичленных предложений, сказуемое которых выражается формой сравнительной степени прилагательных.

Значительное количество пословичных формул представляет собой двусоставные предложения тождества.

Двусоставные предложения тождества по характеру сочетающихся представлений, лежащих в основе их, А. А. Шахматов делил на две группы: «В первой сочетаются представления субстанции с представлением признака или представления признака с представлением отношения; во второй представления о двух субстанциях или о двух признаках»¹⁵. Первый тип психологической коммуникации, «где налицо сочетание господствующего и зависимого представлений, представляет грамматическое согласование обоих составов соответствующего предложения, когда именно коммуникации соответствует двусоставное предложение; подлежащее, т.е. главный член господствующего состава, уподобляет себе, подчиняет себе сказуемое, т.е. главный член зависимого состава. Между тем во второй разновидности, в предложениях тождества такое употребление не является необходимым, оно отсутствует»¹⁶.

Таким образом, в зависимости от того, является ли главный член зависимого состава выражением предмета или признака, А. А. Шахматов разграничивает предложения со значением тождества и предложения со значением признака.

¹⁵ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 1. Л., 1925, с. 136.

¹⁶ Там же.

Однако А. А. Шахматов не указывает никаких формальных критериев, на основании которых можно было бы проводить подобное разграничение. Тем самым классификация оказывается весьма условной. На это обращает внимание и сам А. А. Шахматов, который пишет: «... предложения тождества далеко не всегда могут быть отличены от предложений, где в зависимом составе существительное является названием признака»¹⁷.

Важнейшими при изучении предложений тождества, как и других синтаксических форм, должны быть признаны формально-синтаксические признаки их.

Основной формальный признак таких предложений, как известно, заключается в том, что в них сказуемое стоит в том же падеже, что и подлежащее: Хорошая жена — юрт (Д, 371)¹⁸. Параллелизм падежных форм — необходимое условие для того, чтобы предложение было именно предложением тождества, но этого недостаточно, ибо не всякая конструкция со сказуемым в форме именительного падежа может быть названа предложением тождества. Например, вряд ли есть основания думать, что конструкция «Курчавый волос — кудрявые мысли» — это предложение тождества, хотя в ней подлежащее и сказуемое выражены существительными в именительном падеже. Дело в том, что здесь понятия, обозначаемые существительными, не отождествляются друг с другом, а представляются как соответствующие друг другу. Одно предполагает наличие другого, но не сводится к последнему. В предложениях тождества подлежащее характеризуется путем подведения его под то же понятие, которое выражается сказуемым, т.е. семантически подлежащее отождествляется со сказуемым. Отсюда и термин — *предложения тождества*. Следовательно, без указанных двух признаков (формального и семантического) нет предложения тождества.

Предложения тождества отмечаются в достаточной мере уже в первых записях русских пословиц. Особо продуктивными среди них оказываются четырехчленные (33 %) и трехчленные (25 %) предложения. В четырехчленных предложениях довольно явственно проявляется тенденция к симметричности частей, хотя принцип симметричности не всегда выдерживается: Агнец с бораном овечье племя (С, 74); Малая собака и под старость щеня (С, 121); Барышу наклад большой брат (С, 82); Веник в мыльне всем господин (С, 87); Мера всякому делу вера (БПг, 30).

¹⁷ Там же, с. 137.

¹⁸ Редки, но в принципе возможны такие предложения тождества, в которых подлежащее и сказуемое выражаются не одной и той же частью речи, ср.: Друга иметь — не убыток (Б, 78); Бить по рогам — лишь надсада рукам (Б, 66); Взятое отдать — не беда (Б, 70); С запасом жить — добро (Б, 110). Однако круг частей речи, способных функционировать в подобных конструкциях, ограничен. Это существительное и инфинитив, причем в их сочетании распределение синтаксических функций носит постоянный характер независимо от порядка следования: функция грамматического субъекта закрепляется за инфинитивом, ср.: Красные проводы жену хоронить (Т, 55). В принципе возможно, конечно, чтобы существительное в подобных конструкциях выполняло роль подлежащего, но такие конструкции в пословицах не зафиксированы.

Трехчленные предложения асимметричны всегда, так как в них единственный второстепенный член относится либо к подлежащему, либо к сказуемому: Закон закон законам (С, 105); Два одним рать (С, 93); Своя рука владыка (БПг, 34).

Однако не вызывает сомнения факт, что для русского языка все же характерно такое строение трехчленного предложения, при котором второстепенный член, как правило, синтаксически зависит не от подлежащего, а от сказуемого: Угрозы глупым страх (Д, 224); Пора — проточная вода (Д, 297); И бородавка телу прибавка (Д, 309); Запас мешку не порча (БПг, 28).

Случаи, когда второстепенный член относится к подлежащему или к подлежащему и сказуемому одновременно, единичны: Бескомандный командир — сирота (Д, 248); Чужая душа — потемки (Д, 304); Своя рука владыка (Д, 313); Неправые пожитки — тлен (Т, 58).

Это вполне понятно, если принимать во внимание предидирующую роль сказуемого в предложении вообще и в предложении тождества в частности: сказуемое обычно выступает носителем нового по отношению к подлежащему-данному. А для выражения нового непосредственно сказуемые формы соединяются с зависимыми формами, призванными конкретизировать содержание сказуемого. Обычной здесь, следовательно, является схема «Существительное + прилагательное (существительное) + существительное».

Двухчленные предложения тождества в пословицах используются очень редко: Сватанье — хвостанье (С, 141); Старость — неволя (Д, 355); Старость не радость (БПг, 34); И воровство ремесло (Д, 164).

Форма, выступающая в роли сказуемого, почти всегда постпозитивна. Отклонения от этого общего правила исключительно редки.

Несколько особо стоят отрицательные предложения тождества¹⁹, основной формальный признак которых состоит в употреблении отрицательной частицы, обычно стоящей перед сказуемым. От трехчленных предложений тождества трехчленные отрицательные предложения в принципиально-структурном отношении ничем не отличаются, все отличие сводится к тому, что последние включают в себя отрицательную частицу — «Существительное + прилагательное (существительное) + частица + существительное»: Борода козлу не замена (С, 79); Пеший конному не товарищ (С, 131); Коню коза не ровень (Т, 55).

Нередко отрицательное предложение может быть продолжено формами, указывающими на то, почему подлежащее со сказуемым семантически не отождествляется. Получается нечто подобное комментарию в предложениях с предикативным сравнительным оборотом, причем отношения

¹⁹ Правомерно ли само выражение «отрицательное предложение тождества»? Может быть, такое терминологическое обозначение не совсем удачно, но синтаксическая (структурная) однотипность предложений «Скупость — глупость», «Скупость не глупость», на мой взгляд, не подлежит сомнению, ибо и в том и в другом случаях подлежащее и сказуемое занимают тождественные синтаксические позиции. Отрицательная частица во втором предложении не является структурно решающим элементом.

между сказуемым и поясняющим его комментарием представляют собой отношения:

а) уступительного противопоставления: Слово не стрела, а к сердцу льнет (Д, 256); Кнут не бог, а правду слышит (Д, 200); Мужичок не кочеток, а подрасться любит (Д, 261);

б) ограничительного противопоставления: Кнут не архангел души не вынет а правду скажет (С, 112); Бедность не грех, а до греха доводит (Д, 98);

в) градации: Бедность не порок, а вдовое хуже (Д, 96); Слово не стрела, а пуше стрелы (Т, 62);

г) основания — следствия: Голод не тетка, пирожка не подсунет (С, 91); Деньги не щепки, счетом крепки (Д, 86); Блин не клин брюха не расколлет (С, 82).

Таким образом, в известных синтаксических условиях однородные сказуемые способны выражать такие отношения, которые характерны в основном сложным предложениям.

Единичны двучленные отрицательные предложения тождества: Грамотей — не пахарь (Д, 419); Грех не смех (Д, 211); Обман не шутка (Б, 109).

Также редки и четырехчленные отрицательные предложения тождества: К милому семь верст не околица (С, 113); Конь горбат не мерину брат (С, 112); Доброй жене домоседство не мука (Д, 371).

В языке пословиц продуктивными являются и такие предложения тождества, в которых главные члены выражаются формами инфинитива, употребляемыми субстантивно. Они в принципе ничем не отличаются от тех структур, в которых в роли главных членов выступают существительные в именительном падеже. Некоторые отличия, не затрагивающие существа дела, могут быть сведены к следующим моментам: во-первых, среди инфинитивных предложений тождества почти не встречаются двучленные конструкции типа «Жениться — перемениться» (С, 104); во-вторых, подавляющее большинство инфинитивных предложений тождества представляет собой четырехчленные конструкции, свободно распадающиеся на две симметричные части: Бражка варить глазка курить (С, 80); Ждать пироги спать не едчи (С, 102); Мед есть в улей лезть (С, 121); Много знать мало спать (С, 120); С разумом жить — лише тешиться (БПг, 34).

Место расположения инфинитивов, как видно из примеров, не фиксировано. Поэтому четырехчленные инфинитивные предложения тождества имеют обычно такие схемы: «Существительное + инфинитив // существительное + инфинитив» и «Инфинитив + существительное // инфинитив + существительное».

Редко, но все же пословичные выражения строятся и по перекрестной схеме — «Существительное + инфинитив // инфинитив + существительное»: Лес сечь не жалеть плеч (С, 116). Малоупотребительность подобных конструкций можно объяснить тем, что они нарушают общий принцип органи-

зации аналогичных предложений, диктуемый жанром, — принцип параллелизма и симметричности частей.

По той же причине ограничена употребительность конструкций, в которых двучленному составу сказуемого соответствует одночленный состав подлежащего и наоборот, например: Лгать людей обегать (С, 117); Бранить себя тешить (С, 83); Жать ячмень нагибаться (С, 101).

Аналогично обстоит дело и с пяти- и семичленными стурктурами: Чужую бороду драть — своей не жалеть (Д, 194); В чужом доме побывать — в своем гнилое бревно увидеть (Д, 327); В Москве деньгу беречь — себя не стеречь (Д, 331). Вообще шести-и семичленные инфинитивные предложения тождества для русских пословиц так не характерны, что возникают даже сомнения, не объясняется ли их наличие в рассматриваемых коллекциях позднейшими искусственно-книжными влияниями.

В единичных случаях оба главных члена или один из них в предложениях тождества выражается субстантивно употребляемыми прилагательными в полной форме: Кривой не слепой (Д, 316); Косой не кривой (Д, 316); Горбатый — вороватый (Д, 310); Холостой полчеловека (Д, 360).

Сравнительно распространенными в пословицах следует считать также сказуемое, выраженное формами косвенных падежей существительных. Однако такая функция совершенно необычна для беспредложных форм. Случаи типа «У конного солдата ноги лучком (Д, 311)» исключительны. Зато «естественна» она для предложных форм всех без исключения косвенных падежей, хотя возможности предикативного употребления у разных падежей неодинаковы. Наиболее продуктивны здесь формы родительного и винительного падежей.

1. Родительный падеж:

а) с предлогом *без* (одна из наиболее распространенных форм): У семи нянек дитя без глаза (С, 145); Язык без костей — мелет (Д, 410); Беда без ума (Д, 140); Боль без языка, а сказывается (Д, 398); Совесть без зубов, а загрызет (Д, 306); сюда же следует отнести отрицательную предложную форму родительного падежа с предлогом *без*, которая фактически служит для выражения утверждения, ибо частица отрицает уже наличное отрицание: И бездомник не без домовища (Д, 284); И голыш не без праздника (Д, 95); Человек не бз греха (Б, 116); Полюмя не без дыму (Д, 294);

б) с предлогом *до*: Девичья красота до мужества (С, 93);

в) с предлогом *от*: Вся неправда от лукавого (Д, 195);

г) с предлогом *мимо*: Старых людей пословицы не мимо дела (С, 139).

2. Дательный падеж:

а) с предлогом *к* (наиболее распространенная форма): Не всяка болезнь к смерти (Д, 226); Слепому свеча не к нужде (Б, 111);

б) с предлогом *по*: Смирная овца волку по зубам (Д, 252).

3. Винительный падеж:

а) с предлогом *в* (наиболее распространенная форма): Сильну мужу меч не в нужу (С, 140); голодному Федоту и ши в охоту (Д, 103);

б) с предлогом *за*: Волку зима за обычай (С, 86); Бедному кус за ломтя место (С, 78);

в) с предлогом *на*: Чужой человек не на утеху, на просмех (Д, 325);

г) с предлогом *по*: Пьяному и море по колена (С, 132).

4. Творительный падеж:

а) с предлогом *с*: Старина с мозогом (Д, 302); Горбун с запасцем (Д, 310);

б) с предлогом *под*: Земля русская вся под богом (Д, 327).

5. Предложный падеж:

а) с предлогом *о*: конь о четырех ногах, да спотыкается (Д, 60); Всякая вещь о двух концах (Д, 293);

б) с предлогом *в*: На ленивом всегда одежда в дирах (Б, 98);

в) с предлогом *на*: Ложь на тараканьих ножках (Д, 206).

Нетрудно заметить, что частотность предикативного употребления той или иной предложно-падежной формы находится в прямой зависимости от того, с каким количеством предлогов употребляется данный падеж вообще: чем больше предлогов, сочетающихся с данным падежом, тем выше вероятность его предикативного использования, и наоборот. Отсюда становится понятной продуктивность в роли предиката форм родительного и винительного падежей.

При рассмотрении предикативной функции падежных форм существительных возникает вопрос: чем объяснить неспособность беспредложных падежных форм выступать в роли сказуемого, если в том же синхронном срезе предложные формы обладают этой способностью? Ответить на этот вопрос несложно. Известно, что вполне обычной в функции сказуемого является форма именительного падежа, синтаксически наиболее элементарного. Любой косвенный падеж в семантико-синтаксическом плане богаче, сложнее именительного. Именно поэтому в косвенных падежах отчетливее проявляется тенденция к формальному разграничению функций, что находит свое выражение не только в наличии или отсутствии предлогов, иногда именуемых «препозиционными флексиями»²⁰, но и в составе их. Если говорить о предикативной функции падежных форм, то она всегда связана с деформацией их предметных значений, которая в конечном счете приводит к фразеологизации. Иными словами, предикативное употребление падежных форм всегда сопряжено с фразеологизацией, смещением значений их. А по потенциальным семантическим возможностям предложно-падежные формы несравненно богаче беспредложных падежных форм точно так же, как, например, предложное управление в языках индоевропейской семьи гораздо разнообразнее по своим смысловыразительным возможностям по сравнению с беспредложным управлением.

Интересно отметить, что П. Глаголевский пытался связать предикативное употребление предложно-падежных форм существительных с их

²⁰ См.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 678.

первоначальным обстоятельственным или определительным значением. По его мнению, в роли сказуемого могут выступать только те предложно-падежные формы, которые имеют определительное значение (Куда конь с копытом туда и рак с клешней)²¹, в то время как формы с собственно обстоятельственным значением никогда не функционируют в роли сказуемого, независимо от наличия или отсутствия в данном предложении глагольного сказуемого (Никто от миру непрочь)²². «Итак, — заключает он, — обстоятельственное слово всегда и во всяком случае остается только обстоятельственным при глаголе — все равно, подразумевается ли этот последний или высказывается явно»²³.

Однако факт функционирования предложно-падежных форм в роли сказуемого, независимо от их первичных значений, бесспорен и самостоятельного рассмотрения не требует.

Коротко остановимся, наконец, на сказуемом, выраженном спрягаемыми глагольными формами.

Даже самое беглое знакомство с пословицами, имеющими структуру двусоставного предложения с глагольным сказуемым, приводит к убеждению, что для этого типа построений характерно сказуемое, выраженное личной формой глагола несовершенного вида. Совершенный вид в них выступает эпизодически. И вообще в двусоставных глагольных предложениях, располагающих в достаточной мере синтаксическими возможностями семантически модифицировать высказывание, глагольный вид, вернее всякая противопоставленность глагола, не имеет сколько-нибудь важного значения. И в этом отношении двусоставные предложения противостоят односоставным личным, в которых видовая противопоставленность глагольных форм эффективно используется для оформления разных функциональных типов предложений.

Что касается структуры глагольного сказуемого, то она проста: во всех рассмотренных пословицах, за редким исключением, отмечено только простое сказуемое. Это и понятно, ибо обращение к составным и сложным типам сказуемых, включающих в себя два-три компонента, противоречило бы общим композиционным требованиям пословицы, неоправданно расширяя объем ее.

Объем предложений с глагольным сказуемым не является одинаковым во всех случаях. Здесь встречаются предложения:

а) двучленные (минимальный объем): Годы калечат (Д, 354); И колодезь причерпывается (Д, 112);

б) трехчленные: И новая песня стареется (Д, 295); Сваты с правдою не ездят (С, 139);

в) четырехчленные: Лживой и себе веры не имеет (С, 117); Всякая жаба себя хвалит (С, 88);

²¹ Глаголевский П. Синтаксис языка русских пословиц. СПб, 1873, с. 18—19.

²² Там же, с. 19—20.

²³ Там же, с. 21.

г) пяточленные: Мед каплет от уст жены блудницы (С, 120); Зяблые семена всегда поздно всходят (С, 105); Бодливой корове бог рог не дает (С, 80);

д) шести-, восьмичленные (максимальный объем): В чужую жену черт ложку меду кладет (Д, 177).

Однако удельный вес каждого из этих типов в синтаксисе русских пословиц неодинаков. Подавляющее большинство пословиц (около 70 %), равных двусоставным глагольным предложениям, составляют трех- и четырехчленные структуры. Двух-, пяти- и шестичленные конструкции составляют приблизительно меньше 30 %. Почти чужд русским пословицам семи- и восьмичленный строй предложений. Следовательно средняя длина русских пословиц, представляющих собою двусоставное глагольное предложение, равна трех- или четырехкомпонентным конструкциям. Это господствующий способ организации их в последние четыре столетия.

Все рассмотренные конструкции, независимо от их объема, имеют то общее, что во всех в них сказуемое, как правило, выносится на конец предложения. Но при этом начальная и срединная позиции не являются принципиально недопустимыми для него. Тем самым каждый из перечисленных выше типов по месту расположения сказуемого теоритически способен иметь по три варианта. Если отвлечься от того, что основным для всех них выступает вариант со сказуемым в конце предложения, то можно заметить известную зависимость места расположения сказуемого от объема предложения: чем меньше объем предложения, тем явственнее тенденция закрепить за сказуемым определенное место, и наоборот. Следующая таблица подтверждает этот вывод:

Таблица 8

Процентные соотношения расположения предиката в разнообъемных пословицах

Объем пословиц	Употребляемость в %%		
	Конец	Середина	Начало
Двучленные	100	–	–
Трехчленные	89	7	4
Четырехчленные	76	20	4
Пятичленные	75	20	около 4

Любопытным оказывается, между прочим, и морфологический состав отмеченных типов структур. Двучленные (что само собой понятно) и трехчленные предложения обходятся почти исключительно двумя классами слов — существительным и глаголом. Так, трехчленное предложение со сказуемым в конце приблизительно в 90 % случаев строится по схеме: «Су-

ществительное + существительное + глагол»: Задор силы не спрашивает (Д, 253); Правда глаза колет (Д, 317); в остальных 10 % случаев оно имеет вид:

1. «Прилагательное + существительное + глагол»: Выношенная шуба не греет (Д, 356); Стоящая вода гниет (Д, 277); Невольный грех отпускается (Д, 228);

2. «Существительное + наречие + глагол»: Смерть сослепу лютует (Д, 281); Удалой²⁴ долго не думает (Д, 268);

3. «Существительное + глагол + глагол»: Богатый не тужит, да брюзжит (Д, 84); Спасибо не кормит, не греет (Д, 13).

В четырехчленном предложении части речи представлены более разнообразно, хотя и здесь преобладают разряды слов глагольно-именных типов. Оно часто строится по схеме «Прилагательное + существительное + существительное + глагол»: Строгий закон виноватых творит (Д, 245); Резвого жеребца и волк не берет (Д, 268). Тот же тип предложения может строиться и так:

а) «Существительное + существительное + существительное + глагол»: Лиса и во сне кур считает (Д, 235);

б) «Прилагательное + существительное + наречие + глагол»: Беззаконный клич беззаконно и внемлется (Д, 245);

в) «Существительное + глагол + существительное + глагол»: Воры не жнут, а погоды ждут (Д, 167);

г) «Прилагательное + существительное + глагол + существительное»: Старый волк знает толк (Д, 353).

Анализ способов расположения компонентов двусоставного предложения в пословицах дает возможность, между прочим, несколько конкретизировать направление, в котором следует вести исследование словоупотребления в русском языке.

Известно, что еще недостаточно ясны принципы, на основе которых можно было бы дать строгое и объективное описание общей картины словорасположения в русском языке. Суждения, высказанные в этом плане, характеризуются большим разнообразием, ибо не выявлены причины, определяющие порядок слов в предложении²⁵, а также роль и назначение самого порядка слов. Говоря о причинах разных типов расположения слов в предложении, ссылаются на стилистические функции, смысловую нагрузку слов, структуру предложения, способы выражения его членов, коммуникативную значимость их, необходимость связать последующее высказывание

²⁴ Во всех подобных случаях часть речи определяется по ее функции в предложении, исходя из соображений практического удобства.

²⁵ Обзор литературы, посвященной порядку слов в двусоставном предложении см., напр.: Котляренко А. Н. О расположении главных членов предложения в древнерусском языке (по памятникам XIV–XV вв.) // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 268. Л., 1965, с. 211–226. С тех пор появился ряд монографий по той же проблеме: Сиротинина. Порядок слов в русском языке, Саратов, 1965; Schaller H. W. Die Wortstellung im Russischen. München 1966. Адамец Прж. Порядок слов в современном русском языке, 1966; Ковтунова И. И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; и др.

с предыдущим и т.д. Иногда считают, что для решения этой проблемы необходимо привлечь материал из истории языка. А. Н. Котляренко так и пишет: «Для разрешения всех этих вопросов представляется очень важным установить, как складывается в русском языке порядок слов, был ли он с первоначально хаотическим, не зависимым ни от каких закономерностей, или уже в начальный период письменности сложился какой-нибудь определенный порядок слов»²⁶. Вряд ли, однако, правомерно так ставить вопрос. Ведь порядок слов в предложении, как и в синтаксисе в целом, подвержен историческим изменениям. Он может подчиняться разным правилам и законам в различные периоды в истории языка. Необходимо тщательно изучить правила организации слов в предложении в каждый отдельный период, чтобы тем самым создать базу для общетеоретических заключений о сущности и функциях слов в синтаксисе, о важнейших тенденциях в его развитии.

Если говорить об исследовании порядка слов в известный отрезок времени, то было бы эффективнее проводить его на материале конкретных стилей (в литературном языке) и вообще дифференцированно, а затем уже переходить к обобщениям. В таком случае синтаксисты имели бы дело с вполне определенными конструкциями, характеризующимися определенным объемом, без учета которого трудно сформулировать общие правила размещения слов в высказывании.

Если порядок слов — это «линейное расположение компонентов лексико-грамматического состава предложения»²⁷ и если все компоненты предложения цементируются предикативным центром его, насчитывающим одно или два полнозначных слова, то очевидно, что места составляющих предикативного центра не могут не зависеть от объема конструкции. Это значит, что правила размещения слов для разнообъемных конструкций должны быть различными²⁸. Отдельно они должны формулироваться также и для принципиально разных синтаксических структур (например, двусоставных, с одной стороны, и разных типов односоставных — с другой).

Общий обзор форм выражения предикативного двусоставного предложения в языке пословиц можно завершить некоторыми выводами:

1. Пословицы лишней раз подтверждают факт, что русский язык обладает чрезвычайно широкими возможностями в смысле грамматического оформления предиката: он может выражаться почти всеми частями речи (кроме, пожалуй, предлогов и союзов), а также синтаксически связанными или свободными сочетаниями.

²⁶ Котляренко А. Н. Указ. соч., с. 220.

²⁷ Распопов И. П. Две монографии о порядке слов в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1968. № 5, с. 121.

²⁸ Проще, конечно, изучать порядок слов на материале трех- и четырехкомпонентных структур (кстати, чаще всего именно таким материалом и пользуются), и это оправдано, если иметь в виду устно-разговорную речь. Что же касается других жанров (типов) языка, то нельзя распространять на них правила, полученные в результате анализа трех- и четырехкомпонентных высказываний.

2. Сопоставление записей пословиц XVII–XVII вв. с записями пословиц позднего и позднейшего периодов показывает, что по способам выражения предиката все они в принципе тождественны.

3. В основном сказуемое дусоставного предложения в языке пословиц выражается формами 3 лица наст. и будущего времени индикатива, существительными (преимущественно в именительном падеже), краткими формами и формами сравнительной степени прилагательных, инфинитивом и сравнительным оборотом. Что касается других форм, которыми оно может быть представлено, то они эпизодичны и не могут быть квалифицированы как продуктивные. Поэтому для составления синтаксической картины пословиц важным является описание именно типичных продуктивных способов оформления сказуемого.

4. Пословица избегает многокомпонентного сказуемого. Поэтому в языке пословиц, как правило, не отмечаются составные или сложные его типы. Это обстоятельство может быть использовано, между прочим, и при решении одного из спорных вопросов современного синтаксиса. Речь идет об именном составном сказуемом. Известно, что в современных синтаксических трудах и учебных пособиях по синтаксису представлены две точки зрения по этому вопросу. Одна из них, наиболее распространенная, считает, что именованное простое сказуемое невозможно в принципе, ибо всегда, по мнению ее сторонников, при именном сказуемом должна быть связка, которая может и опускаться; вторая же точка зрения, основываясь на данных современного русского языка, справедливо выделяет особый структурный тип именованного сказуемого — простое именованное сказуемое²⁹.

Нетрудно заметить, что отрицание простого именованного сказуемого — это отголосок старой теории, не признававшей предложения без личной формы глагола, это дань грамматической традиции, уже порвавшей с живыми фактами языка³⁰. Носители современного русского языка не употребляют связок при именном сказуемом, если связки не служат для выражения временных значений. Следовательно, связка быть при именном сказуемом в форме именительного падежа (это касается и всех случаев субстантивного употребления всех других частей речи) функционально ничем не отличается от той же связки в сочетании с инфинитивом, образующем аналитическую форму простого глагольного сказуемого (буду читать).

Если допустить, что синтаксические структуры, используемые в пословицах, максимально стандартизируются и если иметь в виду также, что из всех типов глагольного сказуемого пословицы выбирают только простое глагольное сказуемое, то вероятнее всего предположить, что пословицы в

²⁹ См., напр.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 414–415.

³⁰ См.: Тарланов З. К. Об основных проблемах изучения инфинитивных предложений в русском языке // Ученые записки Карельского педагогического института, т. XVI. Петрозаводск, 1964, с. 127–129; он же: Язык. Этнос. Время. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1993. с. 84–85; он же: О синтаксических границах сложного предложения в русском языке (К спорам вокруг известного) // Вопросы языкознания, 1995, № 2.

глагольных и именных предложениях пользуются одним и тем же типом сказуемого — простым глагольным и простым именным. Не вызывает сомнения, что в сознании носителей пословиц именованное бессвязочное сказуемое структурно отождествляется с простым глагольным сказуемым, чего нельзя не принимать во внимание при синтаксической его квалификации.

Использованные сборники пословиц и их условные сокращения:

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957 (Д).

Симони П. Старые сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Спб., 1899. Вып. 1 (С).

Сборник пословиц б. Петровской галерей (бПг) // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков. М.–Л., 1961.

Собрание пословиц И. В. Пауса (П) // Там же.

Сборник пословиц В. Н. Татищева (Т) // Там же.

Сборник пословиц А. И. Богданова (Б) // Там же.

Пословицы и поговорки Нижегородской губернии (записи Н. А. Добролюбова) // Там же.

Пословицы и поговорки Олонекской губернии // Там же.

Русские народные пословицы и поговорки. Составил А. М. Жигулев., 1965 (Ж).

Summary

Zamir K. Tarlanov

THE STRUCTURE OF THE PREDICATES OCCURRING IN RUSSIAN PROVERBS RECORDED DURING THE SEVENTEENTH–TWENTIETH CENTURIES

Focussing on the predicates of Russian proverbs the author points to the underlying principles of their occurrence. In his analysis of Russian linguistic facts he gives due consideration to the general syntactic aspect of the Russian language, as well as to the dynamism of proverb poetics.